

18+

Книги на английском языке

Под редакцией Ричарда Гранта

Одесские рассказы

Исаак Бабель

**Пересказ на английском языке
с параллельным переводом**

Ричард Грант

**Одесские рассказы. Исаак Бабель.
Пересказ на английском языке
с параллельным переводом**

«Издательские решения»

Грант Р.

Одесские рассказы. Исаак Бабель. Пересказ на английском языке с параллельным переводом / Р. Грант — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-689683-3

Сборник содержит пересказ пяти одесских рассказов Исаака Бабеля — «Король», «Как это делалось в Одессе», «Ди Грассосе», «Своя и чужая» и «У счастливой Одетты». Тексты представлены в адаптированной версии на английском языке и снабжены параллельным русским переводом. Издание создано для тех, кто изучает английский язык, любит классическую литературу и хочет познакомиться с одесским циклом Бабеля в удобном и компактном двуязычном формате.

ISBN 978-5-00-689683-3

© Грант Р.
© Издательские решения

Содержание

Король	6
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Одесские рассказы. Исаак Бабель

Пересказ на английском языке

с параллельным переводом

Переводчик Ричард Грант

© Ричард Грант, перевод, 2026

ISBN 978-5-0068-9683-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Король

The wedding had just ended.

Свадьба только что закончилась.

The rabbi sank into a chair, then stepped out and saw the tables stretching the full length of the courtyard.

Раввин опустился в кресло, потом вышел и увидел столы, тянущиеся во всю длину двора.

There were so many that their end poked out through the gates onto Hospital Street.

Их было так много, что край выходил за ворота на Госпитальную улицу.

Covered in velvet, the tables twisted like snakes with patches of all colors on their bellies, singing in deep voices – the patches of orange and red velvet.

Покрытые бархатом, столы извивались, как змеи, с разноцветными заплатами на брюхе, и пели низкими голосами – заплаты оранжевого и красного бархата.

The apartments had turned into kitchens.

Квартиры превратились в кухни.

Through the sooty doors, a fat flame burst out, drunk and swollen.

Сквозь закопчённые двери вырывался толстый, пьяный и распухший огонь.

In its smoky rays, old women's faces baked, women's shaky chins, greasy chests.

В его дымных лучах пеклись лица старух, дрожащие подбородки женщин, засаленные груди.

Sweat, pink like blood, pink like the foam of a mad dog, flowed around these piles of overgrown, sweet-smelling human flesh.

Пот, розовый, как кровь, розовый, как пена бешеной собаки, стекал по этим кучам разросшейся, сладко пахнувшей человеческой плоти.

Three cooks, not counting the dishwashers, prepared the wedding supper, ruled by eighty-year-old Reizl, traditional as a Torah scroll, tiny and hunched.

Три повара, не считая судомоек, готовили свадебный ужин под началом восьмидесятилетней Рейзл – традиционной, как свиток Торы, крошечной и согбенной.

Before supper, a young man slipped into the yard, unknown to the guests.

Перед ужином во двор проскользнул молодой человек, незнакомый гостям.

He asked for Benya Krik.

Он спросил Бенью Крика.

He pulled Benya Krik aside.

Он отвёл Бенью Крика в сторону.

«Listen, King,» the young man said, «I have a couple of words for you. Aunt Khana from Kostetskaya sent me...»

– Послушай, Король, – сказал молодой человек, – у меня к тебе пара слов. Меня прислала тётя Хана с Костецкой...

«Well, fine,» answered Benya Krik, nicknamed the King, «what are those words?»

– Ну ладно, – ответил Бенья Крик, по прозвищу Король, – какие слова?

«A new police chief came to the station yesterday, Aunt Khana wanted you to know...»

– Вчера в участок пришёл новый начальник, тётя Хана просила тебя предупредить...

«I knew about it the day before yesterday,» Benya Krik replied. «Go on.»

– Я знал об этом ещё позавчера, – ответил Бенья Крик. – Дальше.

«The chief gathered the station and gave a speech...»

– Начальник собрал участок и сказал речь...

«A new broom sweeps clean,» Benya Krik said. «He wants a raid. Go on...»

– Новый веник чисто метёт, – сказал Бенья Крик. – Хочет облаву. Дальше...

«But when will the raid be, do you know, King?»

– А когда будет облава, ты знаешь, Король?

«It will be tomorrow.»

– Завтра.

«King, it's today.»

– Король, это сегодня.

«Who told you that, boy?»

– Кто тебе сказал, парень?

«Aunt Khana told me. You know Aunt Khana?»

– Тётя Хана сказала. Ты знаешь тётю Хану?

«I know Aunt Khana. Go on.»

– Знаю тётю Хану. Дальше.

«The chief gathered the station and gave them a speech. „We must choke Benya Krik,“ he said, „because where there's an emperor, there's no king. Today, when Krik is marrying off his sister and they're all there, today we do the raid...“»

– Начальник собрал участок и сказал речь. «Нужно задушить Беньку Крика, – сказал он, – потому что где император – там короля быть не может. Сегодня, когда Крик выдаёт сестру и все там, сегодня мы делаем облаву...»

«Go on.»

– Дальше.

«Then the cops started to fear. They said, if we do the raid today when it's his holiday, Benya will get angry, and a lot of blood will flow. So the chief said, my pride is more important...»

– Тогда менты заробели. Они говорят: если мы сегодня, в его праздник, сделаем облаву, Беня рассердится и крови будет много. А начальник сказал: моя гордость дороже...

«Well, go,» the King answered.

– Ну иди, – ответил Король.

«What to tell Aunt Khana about the raid?»

– Что передать тётё Хане про облаву?

«Tell her Benya knows about the raid.»

– Скажи: Беня знает про облаву.

And the young man left.

И молодой человек ушёл.

Three of Benya's friends followed him.

За ним пошли трое друзей Бени.

They said they'd be back in half an hour.

Они сказали, что вернутся через полчаса.

And they returned in half an hour.

И вернулись через полчаса.

That's all.

Вот и всё.

People sat at the tables not by age.

За столами сидели не по возрасту.

Silly old age is no less pitiful than cowardly youth.

Глупая старость не менее жалка, чем трусливая молодость.

And not by wealth.

И не по богатству.

The lining of a heavy purse is sewn from tears.

Подкладка тяжёлого кошелька сшита из слёз.

At the head of the table sat the groom and bride.

Во главе стола сидели жених и невеста.

It was their day.

Это был их день.

In second place sat Sender Eichbaum, the King's father-in-law.

На втором месте сидел Сэндер Эйхбаум, сват Короля.

It was his right.

Это было его право.

Sender Eichbaum's story is worth knowing, because it's not a simple one.

Историю Сэндера Эйхбаума стоит знать, потому что она не простая.

How did Benya Krik, the raider and king of raiders, become Eichbaum's son-in-law?

Как Беня Крик, налётчик и король налётчиков, стал зятем Эйхбаума?

How did he become son-in-law to a man with sixty milk cows minus one?

Как он стал зятем человека, у которого шестьдесят коров минус одна?

It was all about a raid.

Всё было из-за одного налёта.

Just a year ago, Benya wrote Eichbaum a letter.

Ровно год назад Беня написал Эйхбауму письмо.

«Monsieur Eichbaum,» he wrote, «please put twenty thousand rubles under the gate at Sofiyevskaya 17 tomorrow morning. If you don't, something unheard of will happen to you, and all Odessa will talk about you. Respectfully, Benya the King.»

«Мосье Эйхбаум, – писал он, – прошу положить завтра утром под ворота по Софиевской, 17 двадцать тысяч рублей. Если не положите – вас ждёт такое, чего ещё не бывало, и вся Одесса будет о вас говорить. С уважением Беня Король».

Three letters, each clearer than the last, got no reply.

Три письма, одно яснее другого, остались без ответа.

So Benya took action.

Тогда Беня пошёл в дело.

They came at night – nine men with long sticks in hand.

Пришли ночью – девять человек с длинными палками в руках.

The sticks were wrapped in tarred tow.

Палки были обмотаны просмоленной паклей.

Nine burning stars lit up in Eichbaum's cattle yard.

Девять горящих звёзд вспыхнуло на коровьем дворе Эйхбаума.

Benya broke the locks on the barn and led out the cows one by one.

Беня сломал замки на хлеву и выводил коров по одной.

A guy with a knife waited.

Парень с ножом ждал.

He toppled a cow with one blow and plunged the knife into its heart.

Он одним ударом валил корову и вонзал нож в коровье сердце.

On the blood-soaked ground, torches bloomed like fiery roses, and shots rang out.

На окровавленной земле факелы расцветали огненными розами, и гремели выстрелы.

With shots, Benya drove away the milkmaids running to the barn.

Выстрелами Беня отгонял доярок, бежавших к хлеву.

And the other raiders fired into the air too, because if you don't shoot in the air, you might kill someone.

И остальные налётчики тоже стреляли в воздух, потому что если не стрелять в воздух – можно убить человека.

And when the sixth cow fell at the King's feet with a death moo, Eichbaum ran out into the yard in his underpants and asked:

И когда шестая корова упала к ногам Короля с предсмертным мычанием, во двор выбежал Эйхбаум в подштанниках и спросил:

«What will come of this, Benya?»

– Что из этого выйдет, Беня?

«If I have no money, you have no cows, Monsieur Eichbaum. That's two times two.»

– У меня нет денег – у вас нет коров, мосье Эйхбаум. Дважды два.

«Come inside, Benya.»

– Зайди в дом, Беня.

And inside, they agreed.

И в доме они договорились.

The slaughtered cows were split half and half.

Забитых коров поделили пополам.

Eichbaum was guaranteed safety and given a certificate with a stamp.

Эйхбауму гарантировали безопасность и выдали бумагу с печатью.

But the miracle came later.

А чудо случилось потом.

During the raid, on that terrible night when stabbed cows mooed, and calves slipped in mother's blood, when torches danced like black maidens, and milkmaids shied and squealed under friendly Browning muzzles – on that terrible night, old Eichbaum's daughter Tsilya ran out into the yard in a low-cut shirt.

Во время налёта, в ту страшную ночь, когда зарезанные коровы мычали, а телята скользили в материнской крови, когда факелы танцевали, как чёрные девки, и доярки шарахались и визжали под дружелюбными дулами браунингов – в ту страшную ночь во двор выбежала в одной сорочке дочь старого Эйхбаума Циля.

And the King's victory became his defeat.

И победа Короля стала его поражением.

Two days later, Benya returned all the taken money to Eichbaum without warning and then came for a visit in the evening.

Через два дня Беня без всякого предупреждения вернул Эйхбауму все отобранные деньги и потом пришёл вечером в гости.

He wore an orange suit, a diamond bracelet shone under his cuff; he entered the room, greeted, and asked Eichbaum for his daughter Tsilya's hand.

На нём был оранжевый костюм, под манжетой блеснул бриллиантовый браслет; он вошёл в комнату, поздоровался и попросил у Эйхбаума руки его дочери Цили.

The old man had a light stroke, but he recovered.

Старик перенёс лёгкий удар, но оправился.

The old man had twenty years of life left.

Старику оставалось ещё двадцать лет жизни.

«Listen, Eichbaum,» the King said to him, «when you die, I'll bury you in the first Jewish cemetery, right at the gates. I'll put up a pink marble monument for you, Eichbaum. I'll make you elder of the Brodsky Synagogue. I'll quit my trade, Eichbaum, and join your business as partner. We'll have two hundred cows, Eichbaum. I'll kill all milkmen except you. No thief will walk the street you live on. I'll build you a dacha at the sixteenth station... And remember, Eichbaum, you weren't a rabbi in your youth either. Who forged the will, let's not talk loud about it?.. And your son-in-law will be the King, not a snot-nose, but the King, Eichbaum...»

– Слушай, Эйхбаум, – сказал ему Король, – когда ты умрёшь, я похороню тебя на первом еврейском кладбище, прямо у ворот. Я поставлю тебе памятник из розового мрамора, Эйхбаум. Я сделаю тебя старостой бродской синагоги. Я брошу своё ремесло, Эйхбаум, и пойду к тебе в компанию. У нас будет двести коров, Эйхбаум. Я перережу всех молочников, кроме тебя. На улице, где ты живёшь, не будет ходить ни один вор. Я построю тебе дачу на шестнадцатой станции... И помни, Эйхбаум, ты тоже не был в молодости раввином. Кто подделывал завещание, об этом не будем громко говорить?.. И зять у тебя будет Король, а не сопляк, Король, Эйхбаум...

And he got his way, Benya Krik, because he was passionate, and passion rules the worlds.

И он добился своего, Беня Крик, потому что был страстен, а страсть правит мирами.

The newlyweds spent three months in fertile Bessarabia, among grapes, plentiful food, and love sweat.

Молодые провели три месяца в плодородной Бессарабии – среди винограда, обильной еды и любовного пота.

Then Benya returned to Odessa to marry off his forty-year-old sister Dvoyra, suffering from goiter.

Потом Беня вернулся в Одессу выдавать замуж свою сорокалетнюю сестру Двойру, больную зобом.

And now, having told Sender Eichbaum's story, we can return to Dvoyra Krik's wedding, the King's sister.

И теперь, рассказав историю Сэндера Эйхбаума, можно вернуться к свадьбе Двойры Крик, сестры Короля.

At this wedding, for supper they served turkeys, roasted chickens, geese, stuffed fish, and fish soup where lemon lakes shimmered like mother-of-pearl.

На этой свадьбе к ужину подавали индюков, жареных кур, гусей, фаршированную рыбу и рыбный суп, в котором лимонные озёра переливались перламутром.

Over the dead goose heads, flowers swayed like lush plumes.

Над мёртвыми головами гусей качались цветы, как пышные султаны.

But does the foamy surf of the Odessa sea wash roasted chickens ashore?

Но разве пенистый прибой одесского моря выносит на берег жареных кур?

All the noblest of our contraband, all that the earth is famous for from end to end, did its destructive, seductive work that starry, that blue night.

Всё самое благородное из нашей контрабанды, всё, чем славится земля от края до края, делало в ту звёздную, в ту синюю ночь своё разрушительное, соблазнительное дело.

Foreign wine warmed stomachs, sweetly broke legs, dazed brains, and caused belches loud as battle trumpets.

Иностранное вино грело желудки, сладко ломало ноги, кружило головы и вызывало отрыжки, звучные, как боевые трубы.

The black cook from the «Plutarch,» arrived three days ago from Port Said, carried past customs fat bottles of Jamaican rum, oily Madeira, cigars from Pierpont Morgan's plantations, and oranges from Jerusalem's outskirts.

Чёрный повар с «Плутарха», пришедшего три дня назад из Порт-Саида, пронёс мимо таможни пузатые бутылки ямайского рома, жирную мадеру, сигары с плантаций Пирпонта Моргана и апельсины из окрестностей Иерусалима.

That's what the foamy surf of the Odessa sea washes ashore, that's what Odessa beggars sometimes get at Jewish weddings.

Вот что выносит на берег пенистый прибой одесского моря, вот что достаётся иногда одесским нищим на еврейских свадьбах.

They got Jamaican rum at Dvoyra Krik's wedding, so, drunk as unclean pigs, the Jewish beggars banged their crutches deafeningly.

На свадьбе Двойры Крик им достался ямайский ром, поэтому еврейские нищие, пьяные как нечистые свиньи, оглушительно стучали костылями.

Eichbaum, vest unbuttoned, squinted at the raging assembly and hiccupped lovingly.

Эйхбаум, с расстёгнутым жилетом, прищурился на бушующее собрание и нежно икал.

The orchestra played a flourish.

Оркестр играл туш.

It was like a divisional review.

Это было похоже на дивизионный смотр.

Flourish – nothing but flourish.

Туш – и ничего, кроме туша.

The raiders, sitting in closed ranks, were shy at first with outsiders, but then they let loose.

Налётчики, сидевшие сплочёнными рядами, сначала стеснялись посторонних, но потом разошлись.

Lyova Katsap smashed a vodka bottle on his beloved's head.

Лёва Кацап разбил бутылку водки о голову своей возлюбленной.

Monya Artilleryman fired in the air.

Моня Артиллерист стрелял в воздух.

But the ecstasy reached its limit when, by old custom, guests began gifting the newlyweds.

Но восторг достиг предела, когда по старому обычаю гости начали одаривать молодых.

Synagogue beadles, jumping on tables, chanted the amount of gifted rubles and silver spoons under the bubbling flourish.

Синагогальные шамесы, прыгающие по столам, выкрикивали количество подаренных рублей и серебряных ложек под кипящий туш.

And here the King's friends showed what blue blood is worth and the still unextinguished Moldavian knighthood.

И тут друзья Короля показали, чего стоит голубая кровь и ещё не угасшее молдаванское рыцарство.

With careless hand movements, they threw gold coins, rings, coral strands onto silver trays.

Небрежным движением руки они бросали на серебряные подносы золотые монеты, кольца, коралловые нити.

The Moldavanka aristocrats were laced in crimson vests, rusty jackets hugged their shoulders, and on fleshy legs burst skin the color of heavenly azure.

Аристократы Молдаванки были затянуты в малиновые жилеты, ржавые пиджаки обнимали их плечи, и на мясистых ногах лопалась кожа цвета небесной лазури.

Standing tall and sticking out bellies, the bandits clapped to the music, shouted «bitter,» and threw flowers at the bride, and she, forty-year-old Dvoyra, Benya Krik's sister, the King's sister, disfigured by illness, with swollen goiter and bulging eyes, sat on a pile of pillows next to a skinny boy, bought with Eichbaum's money and mute from anguish.

Выпрямившись во весь рост и выкатывая животы, бандиты хлопали в такт музыке, кричали «горько» и кидали цветы невесте, а она, сорокалетняя Двойра, сестра Бени Крика, сестра Короля, изуродованная болезнью, с распухшим зобом и выпученными глазами, сидела на груде подушек рядом с тощим мальчиком, купленным на эйхбаумовские деньги и онемевшим от тоски.

The gifting rite neared its end, the beadles grew hoarse, and the contrabass quarreled with the violin.

Обряд дарения подходил к концу, шамесы охрипли, а контрабас поссорился со скрипкой.

A faint smell of burning suddenly spread over the yard.

Вдруг по двору разнёсся слабый запах гари.

«Benya,» said Papa Krik, the old cart driver, known among cart drivers as a rude man, «Benya, you know what I think? I think our soot is burning...»

– Беня, – сказал папа Крик, старый возчик, известный среди возчиков грубиян, – Беня, знаешь что я думаю? Я думаю, что у нас горит сажа...

«Papa,» the King answered his drunk father, «please drink and eat, don't worry about such nonsense...»

– Папа, – ответил Король пьяному отцу, – пожалуйста, пей и ешь, не беспокойся о таких глупостях...

And Papa Krik followed his son's advice.

И папа Крик послушался сына.

He ate and drank.

Он ел и пил.

But the smoke cloud grew more poisonous.

Но облако дыма становилось всё ядовитее.

The sky's edges pinked somewhere.

Где-то розовели края неба.

And a narrow tongue of flame shot up like a sword.

И взлетел узкий язык пламени, как меч.

Guests rose, sniffing the air, and their women squealed.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.